

ПОСЕВ

Еженедельник общественной и политической мысли

IV ГОД

ВОСКРЕСЕНЬЕ, 8 АВГУСТА 1948 ГОДА

№ 32 (115)

НАРОДНОЕ ДВИЖЕНИЕ

Наша камера помещалась в боковом крыле полуразрушенной берлинской тюрьмы. От неба, с летающими по нему самолетами, она была отделена тонким настилом выгоревшего над нами этажа. Налеты, ставшие к этому времени особенно сильными и регулярными, отражались на настроении заключенных довольно странно, они пробуждали повышенную веселость: сыпались шутки и остроты, шли оживленные разговоры. Все искусно скрывали, затаившийся где-то под ложечкой, комочек страха. Даже попадание легкой зажигательной бомбы означало для нас смерть — от удушья или пуль охраны.

Когда раздавались сирены отбоя, наступала разрядка: иные устраивались спать, расстила пиджаки на бетонном полу, иные начинали перебранку с соседом, кое-кто садился играть в карты.

В такой момент я впервые откровенно поговорил с Кирилловым. Черненький, хрупкий 18-летний мальчик, сын столичного рабочего, Кириллов, вместе с группой товарищей, таких же юнцов, как он, сидел за организацию коммунистической ячейки. Поймали их по доносу немцев, с которыми они связались подозревая в них коммунистические симпатии. Кириллов держал себя в камере «ярим» коммунистом.

В этот вечер я попросил его рассказать в чем заключается его кредо: «мировая революция, борьба классов, искоренение религии?».

— Что Вы, — усмехнулся он, — я за то, о чем Вы вчера говорили (по вечерам я проводил среди моих товарищей по несчастью, «остов», собеседования на темы связанные с программой НТС).

— Так почему же Вы сидите как возглавитель коммунистической ячейки?

— Мы раньше не знали о существовании вашей организации, иначе — пришли бы к вам. Ведь мы хотим своего, русского, хотим служить России и народу. Коммунизм — единственный флаг, который мы знали. Не называться же нам национал-социалистами?

— Но нельзя же отделять коммунизм от колхозов, от НКВД, от борьбы за пролетарскую революцию во всем мире!

— Так ведь этого и не будет после войны, при том строе, который вы называете национально-трудовым!

— Почему же Вы связались с немцами?

— А разве немцы не люди! Не все же они за политику Гитлера.

Я задумался над этой схемой мышления и еще раз с предельной остротой поставил себе вопрос — в чем разница между миллионами с энтузиазмом откликнувшимися на пражский манифест и теми, кто в рядах Красной армии приближается сейчас к вражеской столице? Почему так легко вчерашние красноармейцы становятся бойцами РОА?

Почему не видели мы ничего подобного в первую мировую войну? Тогда русские военнопленные не только отказывались от вступления в германскую армию (такое предложение и в голову бы не пришло немецкому командованию), но и от погрузки на автомашины неприятельского снаряжения. Об этом красноречиво свидетельствует памятник расстрелянным русским военнопленным, воздвигнутый сербами на одном из горных балканских перевалов.

А теперь! Разве случайно во главе РОА оказался генерал, вчера еще геройски защищавший Москву? Что прельстило его? Роль русского квислинга?

Передо мною тотчас всплыла фигура ген. Ф. И. Трухина. Федор Иванович никогда не верил в победу немцев. Крупный военный и аналитический ум, человек большого практического чутья и трезвой логики, он еще задолго до Сталинграда предвидел неизбежный откат «победоносных армий» и разгром Германии.

Горячо и страстно включился он в редактирование нашей программы, во всю опасную технику нашей организационной, подпольной работы. Что толкнуло его на этот путь?

Стихийный и активный антибольшевизм россиян, попавших в Германию, нельзя объяснить шкурными соображениями. В 1944 году «остов» и военнопленных в ряды РОА толкали не голод, не надежды на награду со стороны победителей.

Ненависть к большевизму? Ему лояльно служил Власов, в Советском Союзе этой ненавистью навряд ли отличался и Трухин. Кириллов, увезенный с родины в возрасте 15-ти лет, не видел от советской власти ничего плохого, или это плохое не замечал. Да и немцев ненавидели также как большевиков, если не более.

И в тоже время я был (и остаюсь) глубоко убежденным в том, что если бы на

Не в силе Бог, а в правде — Александр Невский

„POSSEV“

Sozialpolitische Rundschau in russischer Sprache, Social and Political Review in Russian Language, Hebdomadaire Social et Politique en langue russe. Germany, Allemagne, US-Zone.

«Посев»: Редакция, отдел подписки и объявлений: Limburg/Lahn, Verlag „Possev“. Postscheckkonto: Frankfurt/M, 33.461; Bankkonto: Limburger Bank, V 14. Филиалы редакции: Mönchehof b. Kassel, IRO-Lager; Hamburg 13, Mittelweg 113. Представительство в Германии и книжный склад: Frankfurt-Fechenheim, Am Riitschlehen 19. Verlag «Possev».

Выходит по воскресеньям. Цена номера 50 пфен.

Сегодня в номере:

В. ВАСИЛЬЕВ

Народное движение (стр. 1)

Н. КОШЕВАТЫЙ

Современный кризис и новое сознание (стр. 2)

В. КРЕМНЕВ

Африка в стратегическом плане США (стр. 2)

Д. ВОСКРЕСЕНСКИЙ

Национальный вопрос (стр. 6)

ЕВГ. ШУГАЕВ

Партийные фельдфебели (стр. 8)

Р. В.

Кто строит советские самолеты (стр. 8)

В. ГОРИЧ

Марс и Маркс (стр. 10)

ПРЕСС-КОНФЕРЕНЦИЯ В ГЛАВНОЙ КВАРТИРЕ ИРО (стр. 11)

Г. АНДРЕЕВ

По ухабам (стр. 13)

Н. ЮЖАНИН

Отравители с Уолл-Стрита (стр. 15)

место нескольких миллионов солдат и офицеров, находившихся по эту сторону фронта, взять тогда (да и сейчас) любые миллионы из рядов победоносной Красной армии и мановением волшебной палочки перенести их сюда, они с таким же энтузиазмом откликнулись бы на пражский манифест и потянулись в РОА.

Разгадка могла быть только одна. Образ немцев, очевидных и внешних врагов, и та доза свободы, которая обреталась избавлением от гипноза всеильности НКВД оказывались достаточными для выявления подлинных чувств и стремлений российских масс. Знакомая с национал-социалистической системой, угадывая в ней второе издание большевизма, несколько бледное ему подражание, россияне автоматически ставили большевизм на подобающее ему место, внешнего врага, чуждого и враждебного народу явления, быть может лишь более умного, последовательного и беспощадного, чем гитлеризм.

Находясь в рядах Красной армии и вообще «там» еще можно было под наркозом пропаганды и отмахиваясь от сущности большевизма — пытаться обходить его, или, даже, через него служить народу. «Здесь» это становилось уже психологически невозможным. «Здесь» большевизм отчетливо вырисовывался